
**ЛУЧШИЕ
ВОЕННЫЕ
БОЕВИКИ**

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

СИБИРЯК

В разведке и штрафбате

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Художник Игорь Варавин

Корчевский, Юрий Григорьевич.
К70 Сибиряк. В разведке и штрафбате / Юрий
Корчевский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. —
416 с.

ISBN 978-5-04-183338-1

Он вырос в глухом сибирском поселке, в роду охотников-промысловиков, и стрелять научился раньше, чем читать и писать.

На передовой его прозвали «Сибиряк» и «Охотник» — он умеет маскироваться на «нейтралке» не хуже, чем в тайге, и отстреливает гитлеровцев, как дичь: на его снайперском счету уже под сотню врагов.

Но фронтовая судьба переменчива — и Сибиряку придется воевать не только снайпером, но и минером-подрывником, и диверсантом, и в войсковой разведке, и в штрафбате...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-183338-1
© Корчевский Ю.Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

НОВОБРАНЕЦ

Алексей попытался удержать равновесие на бревне, перекинутом через ручей. Но бревно предательски повернулось, и он упал в воду. Выбравшись, разделся догола, отжал одежду. И надо же, как его угораздило! Вода в июне холодная, Сибирь — не Кавказ. Завтра уже возвращаться с охотничьей заимки домой, и вот — нате, вымок. Он оделся и бегом бросился к избушке — на бегу одежда быстрее просохнет. Ему больше было жалко ружья — при падении вода попала в механизмы.

В избушке он вновь разделся, повесил на веревку одежду и стал разбирать «фроловку» — так называли винтовки Бердана, рассверленные до 20-го калибра. Хорошее ружьецо, еще отец им владел. Он и сейчас жив, только стар стал, глазами слаб, на охоту уже не ходит. А Леха охотой промышлял, кроме «фроловки» еще «мелкашку» имел. У нее патрон слабый, но дешевый, и вес маленький, что на

ходовой охоте немаловажно. Зато зайца или тетерева с «мелкашкой» брать хорошо. Звук у выстрела слабый, иногда двух-трех птиц добыть успеешь, пока стая всполошится. Только птица иногда на выстрел крепкая попадалась — тот же глухарь. Осторожная, близко к себе не подпустит, только на току ее и добыть можно. Как затоковал самец, бери его хоть голыми руками — ничего вокруг себя не видит и не слышит.

Месяц он уже дома не был, провизия — крупы и соль, да и патроны к концу подходили. Надо было домой возвращаться. Прибыток ноне неплохой, вон сколько шкурок сохнет. Правда, они только солью обработаны, чтобы не портились. Мездру он с них снял, но, чтобы шкурка мехом стала, ее еще выделать надо, квасцами обрабатывать. Но в потребсоюзе ее и такую хорошо берут. Хочешь — деньгами за шкурки бери, хочешь — часть порохом или патронами к той же «мелкашке».

Алексей собрался утром, из последних крупинок чайных сделал заварку, шкурки в мешок определил. Огромный он вышел, да легкий.

Выпив жиденский чай, он отправился в поселок. Половина мужиков в поселке промысловой охотой занималась, половина — на руднике работала. Пробовал и Леха на руднике деньгу заколачивать, отработал смену — и домой. Только не понравилось ему. Пылища, видимости под землей никакой, кашлять стал. В конце концов плюнул он на рудник. В тайге воздух чистый, не надышишься.

Мяса для еды полно вокруг бегает, летает и плавает, только не ленись. Себе радость, государству польза. А как же? Шкурки же выдывались, какие получше — за рубеж шли, за товары ихние. Опять же в поселке — почет и уважение.

Так и пробежал он десяток километров от заимки охотничьей до поселка. Шел веселый, улыбался. А что? С добычей домой возвращался, сейчас ружья дома оставит — и в потребсоюз. А вечером можно и на танцы. Есть там одна девушка, Зоя — уж больно нравится она Алексею. Тоже, как и он, из староверов, себя блюдет, лишнего не позволяет. Такую и в жены взять можно. Денег вот только поднакопить надо на новую избу. Старая-то, отцовская, мала, все-таки шесть братьев у него и две сестры. Два старших брата женаты уже, отделились.

Шел Леха по главной и единственной улице поселка и улыбался. И сразу не понял, почему первый же встречный, бухгалтер сельсовета, желчный Степан Матвеевич, негодуя спросил:

— Чего радуешься?

— Домой вернулся, — недоумевающе ответил Алексей.

— А, так ты не знаешь?

— Чего?

— Война! С германцами, три недели уже идет. Немчура Минск взяла, Красная Армия отступает.

Леха так и оторопел. Конечно, откуда ему знать? В тайге радио и газет нет, только и узнаешь новости, когда домой возвращаешься.

Он рывком распахнул дверь в отцовскую избу и сразу увидел заплаканные глаза матери.

— Ой, лихо! — она зарыдала в голос. — Даже не простился!

— С кем?

— Два брата твоих позавчера на фронт ушли, Николай и Григорий. И на тебя повестка из военкомата пришла.

Новость оглушила, как поленом по голове. Выходит, страну его немец поганым сапогом своим топчет, а он ни ухом, ни рылом?

— Мам, ты сидор собери с исподним да бритву положи.

— Готово уже. Отец сказал, что ты днями будешь — как знал.

— Нетрудно угадать, запасы пороха к концу подошли.

— Как братья ушли, Зоя прибежала, тебя спрашивала. Ты бы зашел к ней, девушка хорошая.

— Мам, мне же повестка, мне в военкомат идти надо. Пока я здесь сижу, война закончиться успеет.

— Нет, сынок, отец сказал — это надолго.

— А товарищ Сталин говорил, что мы будем бить врага на его территории. И если сейчас Красная Армия отступает, так это потому, что напали неожиданно. Вот соберет товарищ Сталин кулак, ударит всеми силами — я и до фронта добратся не успею, как война закончится.

— Ты заговорил прямо как эти, комсомольцы, на своих собраниях...

— Я же русский, мама! Дай поесть чего-нибудь, утром только пустого чаю выпил, да и по хлебушку соскучился.

Мать выставила на стол чугунок с картошкой, порезала селедки, огурцов; прижав каравай хлеба к груди, бережно отрезала от него горбушку. Любил горбушки Леха, особенно с борщом, да еще когда горбушку чесночком натрешь! На танцы после этого можно было не ходить — девки носы воротили, так ведь он же не на танцы сейчас собрался.

Пока ел, попросил:

— Мам, пусть батяня сходит в потребкооперацию, шкурки сдаст — все деньги будут.

— Скажу.

Леха вскинулся:

— А где он сам-то, я и не спросил.

— Заготовителя колхозного в армию забрали, попросили его поработать.

— Ух ты!

Староверы не работали на государственных и колхозных должностях, но война многое изменила.

Леха поел, надел брезентовую куртку — в ней ни дождь, ни ветер не страшны. Сунув в карман повестку, поклонился матери:

— Не болейте, мама, и меня дождитесь.

Взялся за лямки сидора:

— Ты к сельсовету иди, там все мужики собираются. До Туринска далеко идти.

— Спасибо, — он остановился в дверях и обернулся.

Мать обняла сына и перекрестила его двумя перстами, по-староверски.

Леха шагнул за порог и не оглянулся — вроде не по-мужски как-то.

У сельсовета собрались человек двадцать тех, кому пришли повестки. Кто-то пришел сам, другие — с родней. Лица были у всех хмурые, женщины плакали.

На крыльцо вышел председатель сельсовета, единственный коммунист в поселке. Он сказал короткую речь, обращенную к пришедшим мужчинам, — чтобы не трусили в бою, гнали немца взащей да возвращались с победой.

Ни оркестра, ни долгих проводов не было. Старшим председатель назначил Еремея, машиниста дробилки с рудника — как-никак, он на финской в тридцать девятом успел повоевать, военное дело знает.

— Кругом! — скомандовал Еремей. — В колонну по четыре становись! Шагом марш!

Двадцать километров до райцентра шли до вечера. А там — военкомат, сутолока и беготня; но уже ночью их посадили в эшелон на станции.

Вагон был товарный, с надписью: «Сорок человек или восемь лошадей». Нары пахли свежей сосной, на них лежали охапки сена. Выдали сухой паек — ржаные сухари и селедку. Леха сухари погрыз, к селедке же не притронулся. А кто по жадности селедки наелся, мучались жаждой. На каждом полустанке к колонке с водой бегали, напиться не могли.